

УДК 811.161.1'373.46:821.161.1:801.82

**ОБ ОЦЕНОЧНЫХ ЭНАНТИОСЕМИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЯХ
В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ТИПОВ**

О. Л. Ючко

аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: o.yuchko@mail.ru

Статья посвящена исследованию явления энантиосемии обращений на лексическом уровне языка. Изучается языковая природа лексем, выражающих антонимические значения, а также факторы, приводящие к возникновению энантиолексем. Определяются и описываются лексические оппозиции. Анализируются особенности функционирования энантиосемизмов в языке и речи. В статье приводятся примеры диалогических отрывков произведений различных авторов. В качестве фактологической базы для анализа материала используется интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка» (www.rucorpora.ru), дающий возможность выявить и проанализировать значительное количество речевых употреблений отдельных слов, устойчивых словосочетаний и целых синтаксических конструкций. Сделаны выводы о том, что на лексическом уровне языка явление энантиосемии возникает под влиянием различных причин.

Ключевые слова: энантиосемия, энантиосемизм, текст, обращение, оценочное значение, антонимичное значение, невербальные средства.

ABOUT EVALUATIVE ENANTIOSEMIC APPEALS IN TEXTS OF DIFFERENT TYPES

O. L. Yuchko

post-graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology
of I. P. Shamyakin Mozyr State Pedagogical University,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: o.yuchko@mail.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of enantiosemy in appeals at the lexical level of the language. The linguistic nature of lexemes expressing antonymic meanings, factors leading to the emergence of enantiolexemes are studied. Lexical oppositions are defined and described. The peculiarities of functioning of enantiosemiss in language and speech are analyzed. The article provides examples of dialogical passages of works by various authors. The Internet resource "National Corpus of the Russian Language" is used as a factual basis for the analysis of the material (www.rucorpora.ru), which makes it possible to identify and analyze a significant number of speech uses of individual words, stable phrases and entire syntactic structures. It is concluded, that at the lexical level of the language the phenomenon of enantiosemy occurs under the influence of various causes.

Key words: enantiosemy, enantiosemiss, text, appeal, an assessed meaning, meaning of antonymous, non-verbal means.

В процессе коммуникации слова русского языка могут реализовывать одновременно как позитивные, так и негативно окрашенные значения. Подобные номинации, иллюстрирующие «внутрисловную» антонимию, принято называть энантиосемизмами, а само сосуществование в пределах одного слова противоположных значений – энантиосемией [1, с. 25]. Данное явление активно изучается в лексикологии, однако его статус определяется учеными различно. Так, Л. А. Новиков придерживается мнения, согласно которому энантиосемия «непродуктивна в современном русском языке и служит, в основном, своеобразным реликтом семантики древних корней» [2, с. 111]. В то же время Е. А. Литвинова, указывая на широкое распространение подобных лексем в процессе коммуникации, указывает на важность учета той или иной ситуации при возникновении энантиосемизмов: «В практике речевого употребления лексического материала возможность появления энантиосемичных слов и значений потенциально безгранична. В каждый момент речи говорящий пытается наполнить имеющиеся в его распоряжении когнитивные модели конкретным содержанием, чтобы облечь в языковую форму свои мысли, и всякий раз, по сути, создает конкретные значения слов. <...> При подобной концептуализации может актуализироваться энантиосемичный механизм и возникнуть любая оппозиция» [3, с. 87]. Существует две основные группы энантиосемичных слов в зависимости от того, какие именно компоненты данного слоя лексики являются энантиосемичными – номинативные и эмоционально-оценочные.

Объектом нашего исследования является одно из наиболее употребительных обращений – *милый мой*, используемое в художественной речи как энантиосемизм. В качестве фактологической базы для анализа материала нами использован интернет-ресурс «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru), дающий возможность выявить и проанализировать значительное количество речевых употреблений отдельных слов, устойчивых словосочетаний и целых синтаксических конструкций.

В лингвистике под термином *обращение* понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» [5, с. 390]. Обращения, как правило, выполняют две основные функции: призывную (апеллятивную) и оценочно-характеризующую (экспрессивную). Призывная функция чаще всего реализуется в официально-деловой речи, тогда как экспрессивная встречается в обиходно-бытовом общении, представленном в художественных текстах. Обращение, помогающее говорящему выразить свое отношение к собеседнику, выступает как компонент, который вводит тему для общения. Вполне закономерно, что речь литературных персонажей насыщена большим количеством эмоционально окрашенных обращений, смысловое наполнение которых во многом зависит как от собственно языковых, так и внеязыковых факторов.

Лексема *милый* в рассматриваемом нами обращении реализует свое основное значение ‘родной, дорогой, горячо любимый (о человеке)’; употребление притяжательного местоимения *мой*, указывающего на принадлежность говорящему объекта речи, сообщает словосочетанию *милый мой* особую доверительность, в некоторой степени – интимность. Именно по этой причине данное обращение, используемое, как правило, в «сильной позиции» текста – в его начале – успешно выполняет фатическую (контактоустанавливающую) функцию и способствует созданию позитивного «фона» общения. При этом степень «фатичности» обращения может усиливаться его употреблением в одном ряду с другими позитивно коннотированными словосочетаниями в этой же функции. Сравн.: *Дорогой мой друг Владлен! Милый мой! Здравствуй, душа моя!* (В. Давыдов. Театр моей мечты, 2004). Как видим, притяжательное местоимение *мой* используется в данном случае как общий элемент еще двух синонимичных обращений, способствующих более искреннему выражению чувств: *дорогой мой друг* (указание на особую привязанность, доверие) и *душа моя* (свидетельство духовной близости). В женской речи в ситуации высокого эмоционального напряжения этот ряд близких по значению обращений может быть дополнен и другими номинациями: *«Да-да, у нас нет права», – повторил он. – «Милый мой, хороший, бедный мой, свет мой», – сказала она.* (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба, часть 3(1960)*). Слово *бедный* в данном контексте используется для выражения женщиной сострадания, сочувствия и сожаления, а устойчивое словосочетание *свет мой* употребляется как средство стилизации под народно-поэтическую речь в функции ласкового, приветливого обращения к дорогому, любимому человеку.

Интимно-доверительная направленность рассматриваемого обращения при характеристике женской речи может проявляться в использовании адресантом речи глагола говорения *ворковать* в значении ‘мягко, нежно говорить’ [БТСРЯ, с. 150] и в упоминании о поцелуе, являющемся невербальным внешним проявлением интимных отношений: *Целовала его на пороге своего замка, вручала конверт, на котором не было ни адреса, ни адресата. «Якоб! – всякий раз ворковала она. – Спешу на восток, милый мой, а завтра поутру вскрой конверт»* (Кусчуй Непома. Фантастические истории, записанные во время своих странствий Йозефом Краалем, алхимиком из Праги // «Волга», 2016).

Показателен следующий монолог, в котором обращение *милый мой* имеет несколько иную направленность – оно используется в предложении, выражающем несогласие, однако содержащееся здесь же признание в любви наполняет это словосочетание высоким позитивным содержанием: *«Но, милый мой, мы живем здесь, сейчас, и все, что мы чувствуем – это настоящее. Только от нас зависит, сколько проживет любовь. Я буду любить тебя всегда, пока дышу»* (А. Терехов. Каменный мост, 1997–2008).

Вместе с тем в эпистолярном тексте использующееся в качестве обращения словосочетание *милый мой* может употребляться как определенный штамп, шаблон, на что указывает параллельное использование официального (а не какого-то доверительно-ласкового) слова *супруг*, обращение к адресату по имени-отчеству и в форме «на вы»: *Милый мой, дорогой супруг Василий Петрович, получила я от вас гостинцы, не знаю, как за вас Бога молить...* (М. Б. Бару. Второй сон Любви Александровны // «Волга», 2015). Очевидно, что обращение *дорогой супруг* употребляется в данном случае для того, чтобы не только выразить уважение и благодарность мужу, занимавшему в традиционной русской семье главенствующую позицию, но и подчеркнуть свою подчиненность, зависимость от мужа.

В живой разговорной речи обращение *милый мой* может приобретать фамильярно-пренебрежительный, негативно-оценочный оттенок [БТСРЯ, с. 542], что формирует энантиосемичную семантику, указывающую на ошибочность поступков, неправоту адресата речи в ситуациях конфликта, спора, несогласия и др. Эмоции собеседников при этом выражаются соответствующими словами и словосочетаниями.

Рассмотрим следующий фрагмент из рассказа В. Войновича «Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру»: «А теперь получится так, что Иванько меня на испуг не взял, так за деньги купил». – «Ну, *милый мой*, – удивляется мой гость, – это уже детский разговор. Плюньте Вы на все эти соображения, берите деньги и переезжайте» (В. Войнович., 1976). В данном случае очевидно расхождение во взглядах участников диалога на сложившуюся ситуацию, при этом словосочетание *детский разговор* является негативно-оценочным, поскольку слово *детский* реализует значение 'не свойственный взрослому; наивный, незрелый'. Дополняя беседу приведенным оборотом, литературный персонаж указывает на духовную незрелость собеседника, его неспособность адекватно оценить обстановку. Употребленные далее слова в форме повелительного наклонения (*плюньте, берите, переезжайте*) также говорят о желании «гостя» заставить собеседника посмотреть иначе на сложившуюся ситуацию.

Дискуссия может иметь не только «приземленно-прагматический», но и философский характер, поскольку предметом являются морально-этические, нравственные ценности: «*Душа кусочками не продается*», – строго возразил Бейбарсов. – «Э, *милый мой!* Тут ты не прав! Продается-то она, может, и целиком, а крошится по крошечкам-то каждый день» (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).

Обращение *милый мой* как способ насмешливо-негативной оценки собеседника может употребляться и в ситуациях, характеризующихся более высоким накалом страстей, о чем свидетельствует использование в диалогах сниженной вульгарно-бранной лексики: «*Ты хочешь просто убить меня, негодяй!*» – «*Милый мой, это не смысл!*» – крикнул Яковлев, но начальник не обратил внимания (Е. Радов. Змеесос, 2003). Очевидно, что в этом случае происходит диалог-перепалка между начальником и подчиненным. Лицо, занимающее более высокую должность, позволяет себе грубое вербальное поведение по отношению к собеседнику, который, в свою очередь, для того чтобы сгладить напряженность конфликта, использует обращение *милый мой*, однако, судя по всему, не добивается ожидаемого результата. Сравн. также: «*Я сейчас стрелю тебя, как козла!*» – *У тебя рук не хватит, милый мой!*» – «*Ты что, думаешь, раз я здесь – тебе все можно?*» – «*Ну конечно!*» (Е. Радов. Змеесос, 2003).

Особый негативно-оценочный статус имеет обращение *милый мой* в следующем фрагменте художественного текста, в котором литературный персонаж использует его, передавая высказывание бывшей жены, для характеристики которой он употребляет вульгарное слово *стерва*: «*Вот Катюша моя была – это уж всем стервам была стерва!*» – *Знаешь, милый мой, если ты – мужик, так и бери себе мужичку! И потом, если бы ты меня хоть немного уважал, ты бы не вел себя как скотина*. – «*А я ее не уважал?*» (Е. Попов. Там в океан течет Печора, 1970–2000). Можно предположить, что в общении между бывшими супругами обращение *милый мой* используется как насмешливо-издевательская переадресация к прежним отношениям, что помогает женщине выразить крайнюю степень раздражительности, недовольства.

Проанализированный материал убеждает в том, что обращение *милый мой* в художественных текстах реализует свойство энантиосемичности, причем использование его в негативно-оценочном значении характеризуется большим разнообразием оттенков в зависимости от цели высказывания.

Список использованных источников

1. Бессонова, Л. Е. Энантиосемия в языке и речи / Л. Е. Бессонова. – Симферополь : АРИАЛ, 2015. – 135 с.
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Литвинова, Е. А. Эмоционально-оценочная энантиосемия. Филологические науки. Вопросы теории и практики / Е. А. Литвинова. – М. : Высш. шк., 2012. – С. 86–90.
4. Ярцева, В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

References

1. Bessonova, L. E. (2015). Jenantiosemija v jazyke i rechi. Simferopol'. (In Russ).
2. Kuznecov, S. A. (1998) Bol'shoj tolkovyj slovar' Russkogo jazyka. St. Petersburg. (In Russ).
3. Litvinova, E. A. (2012). Jemocional'no – ozenochnaja jenantiosemija. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki 2. Moscow. (In Russ).
4. Jarceva, V. N. (1998). Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Moscow. (In Russ).